

8. Фома Аквинский. Сумма теологии. Ч. II–I. Вопросы 1–48 / Фома Аквинский; пер. с латинского, ред. и примеч. С. И. Еремеева. — К.: Эльга, Ника-Центр, 2006. — 576 с.

Худенко Андрей Владимирович – доктор философских наук, профессор кафедры социологии Одесского национального университета имени И.И. Мечникова

УДК: 111.141

РЕЖИМ ЗНАНИЯ И «ПАРАДИГМА СЛОЖНОСТИ»

Режим знання розглядається в контексті «парадигми складності». Акцентується увага на зрушенні як рушійної силі режиму знання. Зрушення аналізується як динамічний, темпоральний, збиральний процес, що протікає в інтервалі впливу.

Ключові слова: знання, інтервал впливу, процес, темпоральність, складність.

РЕЖИМ ЗНАНИЯ И «ПАРАДИГМА СЛОЖНОСТИ»

Режим знания рассматривается в контексте «парадигмы сложности». Акцентируется внимание на сдвигении как движущей силе режима знания. Сдвигение анализируется как динамический, темпоральный, собирающий процесс, протекающий в интервале воздействия.

Ключевые слова: знания, интервал воздействия, процесс, темпоральность, сложность.

The regime of knowledge and the "paradigm of complexity".

The regime of knowledge is considered in the context of the "paradigm of complexity". Attention is focused on shifting as the driving force of the regime of knowledge. The shifting is analyzed as a dynamic, temporal and concrescence process that flows in the interval of effect.

Keywords: knowledge, interval of affect, process, temporality, complexity.

Речь пойдет о сложности. О сложности в двойном смысле этого русского слова: трудности и сложенности. А о чем нужно говорить? Когда не трудно, т.е. все дается без усилий, и когда все равно и видимо, то следует молчать. В самом деле, когда знаешь куда идти, то и тьма не помеха; когда знаешь как идти, то и свет не нужен. Когда не знаешь, то следует искать и спрашивать, спрашивать и искать.

Чтобы вести речь о сложности, необходимо начать с простого.

В Германии почти 50 лет, с 1896 по 1944 годы, издавался журнал «Симплициссимус». Его эмблема – красный бульдог на черном фоне. Немного угрожающая эмблема. Так вот, «Симплициссимус», авторами которого были, среди прочих, и Гессе, и братья Манны, был сатирическим журналом: как бы незамысловатым журналом. Статьи, размещаемые в журнале, рассказывали о перипетиях европейской политики. Вот как о журнале пишет Г. Гессе: «Он настраивал меня на критический лад, революционизировал меня. Дух журнала был, собственно, не немецкий, он шел из Парижа и состоял из той типично парижской смеси искусства и политики, которая столь многих молодых художников и литераторов во французской столице побуждала к сознательному осмыслению политических событий» [1, с. 146].

Что делал этот журнал? – Он революционизировал: вертел, оборачивал – менял угол зрения.

Собственно, в его незамысловатом глядении вкось выглядывала замысловатость Мира.

К сожалению, в 1914 году журнал потерял свою популярность. Глядеть вкось стало невозможно. Журнал не выдержал давления «Гимна» Эрнста Лиссауэра.

У журнала был предшественник, также родившийся на немецкой земле. Я имею в виду знаменитый роман Ганса Якоба фон Гриммельсгаузена «Похождение Симплициссимуса». Это – роман-путешествие о жизни просто парня. Его похождения, т.е. смена и места проживания, и рода занятий, – история перипетий, замысловатостей Тридцатилетней войны (1618 – 1648 гг.).

О незамысловатом и журнале, и романе я вспомнил не для того, чтобы рассказывать замысловатую историю Европы. Мы отметили, что незамысловатый взгляд, который линеен и одномерен, меняя свой угол, раскрывает замысловатость Мира, который не линеен и многомерен. Что заставляет менять угол зрения?

Мы привыкли к тому, что смена угла зрения мотивирована некой сознательной установкой. Мне представляется этот мотив слишком романтичным и наивным. Романтика заставляет искать героев, гениев и мифологизировать их, т.е. как бы рассказывать о жизни с чужих слов: словами, которые произведены кем-то, когда-то, но не по ходу современной жизни. Поэтому мифы всегда не ко времени: может быть слишком наивны, может быть излишне патетичны. Вероятно, этот романтизм есть следствие представления о человеке как существе, который якобы априори обладает способностью предвосхитить или предрешить исход – постичь сущность. По словам Р. Рорти, таковая способность – скорее, фантазия поэтов, которых Платон, как известно, призывал изгонять из полиса.

Акт смены – не сознательная установка, но серии актов, по ходу которых идет и происходит совладание с перипетиями пути, который греки называли *φύσις*. *Фύσις* довлеет и заставляет следовать по своей траектории.

Именно заставляет!

«Мы сами, – пишет Спиноза в трактате “О Боге, человеке и его счастье”, – никогда не утверждаем и не отрицаем ничего о вещи, но сама вещь утверждает или отрицает в нас нечто о себе» [2, с. 139; ST, 2/16, 5].

Слова великого голландца нельзя интерпретировать так, что все, обнаруживаемое в пути, является исключительно страдающим созданием. Напротив: все существует, отмечено Платоном, так, как претерпевает воздействие и само воздействует [3, 247 е]. То есть путь не только довлеет, но и шествием торится. Как внимателен и мудр был Рабле, поведав нам в «Гаргантюа и Пантагрюэле» об острове Годос, где дороги ходят!

Шествие выгибает путь, и он предстает в своем продольном и поперечном измерениях. Это не множество путей: есть только один путь, и он непрерывен. Но длится он по-разному и многими способами.

Таким образом, все находит себя в *путешествии*: в интервале пути, когда воздействие испытывается и свершается. То есть все находит себя в *интервале воздействия*.

Отвечая на вопрос, что заставляет менять угол зрения, можно сказать так: мы вынуждены принимать решение под давлением; однако мы свободны в той мере настолько, насколько способны выдержать и реактивировать это давление. *Живое* существует как мера свободы. Мера, находящаяся в интервале воздействия. И потому, *живое* есть *ЭТО* только во вторую очередь; в первую – *КАК*: есть в процессе и по мере совладания с перипетиями пути, которое (совладание) идет и происходит в интервале воздействия.

В интервале воздействия встречаемое в пути *производится*, и таким образом выставляется годным (или способным) для использования. Годное для использования предстает актуальным как выставленное актом произведения. Он – его первая причина. Но в нем – собранные воедино серии актов совладания с перипетиями пути.

Слово «произведение» употребляется нами в непривычном значении: трансдуктивный процесс, когда серии актов испытания воздействия перипетий пути, или дедукция пути, и реактивации воздействия, или продуцирование (прокладывание) пути, взаимодействуют друг другом. Произведение идет как проецирование и продуцирование, как отталкивание и отсылание; в трансдукции актов отталкивания и отсылания идет и происходит совладание с перипетиями пути.

Так, с нашей точки зрения, размерено поле сложности. И формула его измерения относительно проста. То есть она не сложнее формул «классической» и «неклассической». Не сложнее в том смысле, что параметры этой формулы не раз перечислялись. Например, Е. Князева выделяет шесть аспектов феномена сложности: холизм, рекурсия, эмерджентность, «сложность связи пространства и времени, фрактальность рисунка эволюционирующих сложных структур и связи событий в мире сложности», «игра случайностей, цепочки метаморфоз, превращений», множественность и разнообразие [4, с. 171 – 175].

Однако дело, по всей видимости, не в перечислении аспектов, которые маркируют «парадигму сложности». Когда смотришь на эти перечисления (а количество публикаций по этой теме увеличивается), невольно вспоминаются слова Сократа, в которых он поведал о своем чувстве о проекте идеального государства: «Это чувство похоже на то, что испытываешь, увидев каких-нибудь благородных, красивых зверей, изображенных на картине, а то и живых, но неподвижных: непременно хочется поглядеть, каковы они в движении и как они при борьбе выставляют те силы, о которых позволяет догадываться склад их тела» [5, 19 b, 4 – 19 e, 2].

С нашей точки зрения, сложность задана, во-первых, не просто другим углом зрения: был один, стал другой, будет и третий. Во-вторых, не просто переменной угла зрения: кинезисом процесса. Скорость не много говорит о движении, а перемещение о длительности процесса.

Речь должна идти о силе: том, что определяет движение, т.е. мере воздействия, степени напряженности воздействия. На это и обращает внимание Сократ, говоря о «движении» и «борьбе» - движении борьбы. До него об этом говорил Гераклит, после – Ницше. Именно напряженность задает динамику процесса. То есть процесс длится как напряженностью сдвигаемый ход следования.

Непрерывность сдвижения, которое идет и происходит в интервале воздействия и определяет, с нашей точки зрения, поле сложности. В этой связи мы не говорим о сложности как множестве складок, узлов и плоскостей. Они – то, в чем выражает себя сдвижение, но не есть оно само.

Сдвижение «имеет место».

Это «иметь место» проходит под разными именами: «среда» (В. Лепский, И. Ершова-Бабенко), «фрактальная зона» (Я. Свирский). Дело, очевидно, не в имени, но в том, что это «место», если можно так сказать, «нелокально». Это «место» не пустое: сдвижение занято сериями актов, или ходом произведения, но не тем, что произведено и таковым, возможно, будет.

В своих лекциях по философии логического атомизма Рассел заметил, что «одно из затруднений в изучении логики заключается в том, что она представляет собой исключительно абстрактное исследование, имеющее дело с самыми абстрактными вещами, которые только можно представить, и однако вы не сможете заниматься ею надлежащим образом, если у вас отсутствует **живой инстинкт в отношении того, что является реальным** (выделено нами. – А.Х.). В логике этот инстинкт должен быть довольно хорошо развит. Я думаю, в противном случае вы придёте к фантастическим результатам» [6, с. 48]. На потерю *инстинкта реальности*, даже привычку и удобство мыслить абстрактно, обращал внимание и Спиноза. Для него оперирование абстракциями – как *notiones universales*, так и *entia rationis*, – являются признаком болезни человеческого интеллекта, и этот вирус, или кара человеческого существования, требует врачевания или очищения. Вероятно, философия – это и есть дело врачевания, которое споспешествует излечиванию от недуга якобы способности предвосхитить или предпретить исход. Собственно, *Tractatus de intellectus emendatione* является рецептом от этой болезни.

То, что «место» сдвигения заполняется абстракциями – еще не болезнь. Вся жизнь – это движение от одной абстракции к другой; от одного *Это* к другому. Болезнью является произведение умозаключений из умозаключений. То есть болезнью является не достижение результата (который, как отмечает Гегель в «Феноменологии духа», уже труп), но тиражирование трупа [7, с. 2 – 3]. Читая *Послания Павла*, А. Бадью такое тиражирование определял как «путь греха», «жизнь смерти» [8, с. 71]. Ж. Делез и Ж. Бодрийар называли этот тираж смерти симулякром.

Тиражированием симулякром можно назвать и следование известному афоризму профессора физики Д. Мермина: «Shut up and calculate!» В своей книге «Мечты об окончательной теории» Нобелевский лауреат С. Вайнберг сетовал на то, что сегодня физики больше заняты вычислениями, тем пониманием проблем, т.е. тем, что препятствует вычислению и, следовательно, продвижению вперед. Такая же ситуация и в гуманитарных дисциплинах. Социологи заняты тиражированием опросов общественного мнения и рисованием инфографиков, а антропологи и этнологи скапливают в своих хранилищах биографии и истории жизни.

Этим тезисом мы не выказываем пренебрежение языку естественному или искусственному. Напротив! Чтобы спасти реальность от тиражирования умозаключений и наивного эмпиризма, язык является единственным способом, который указывает на невидимое (нелокальное) «место», которое, с одной стороны, занято ходом произведения, с другой – позволяет в него проникнуть. В самом деле, язык и симптоматичен и инструментален. Поэтому он, скорее, поле упражнений, чем средство изображения. Уже для И. Канта было очевидно, что философ – это тот, кто понятиями пользуется, но не исходит из них. Ж. Делез более строг и требователен: философ – тот, кто создает концепты.

Мы говорили о том, что сдвигение «имеет место» в интервале воздействия, который занят ходом произведения. В этом тезисе присутствуют три аспекта, два из которых мы объединим ссылкой на «романное слово».

(Небольшое замечание: «Романное слово» упомянуто не случайно. Оно не соединяет и не разъединяет, не трансцендентно и не имманентно линии повествования, но есть как оборачивание и сдвигение такового идет. Оно диалогично.)

В «Волшебной горе» Т. Манна – романе-путешествии, романе-времени и о времени – есть глава, в которой описываются занятия постояльцев санатория в Давосе (Глава седьмая, «Демон тупоумия»). Один из них борется над разгадкой числа π . «Ганс Касторп, – говорится в романе, – при всей своей восприимчивости, был менее взволнован неподатливостью тайны «пи», чем его собеседник, он назвал эту неподатливость каверзой окружности, посоветовал господину прокурору не так уж расстраиваться из-за игры в пятнашки с ее определениями и заговорил о **непротяженных поворотных точках**, из которых, собственно, и состоит окружность – от **своего несуществующего начала до несуществующего конца**, а также о веселой меланхолии **замкнутой в себе вечности** (выделено нами. – А.Х.) [9, с. 857]».

Вот они два аспекта: сдвигение как «непротяженная поворотная точка» идет и происходит в актуально бесконечном интервале, и оно темпорально.

Мы говорим именно о темпоральности, но не временности, т.е. не о временном определении пространства – скорости и пространственном определении времени – перемещении. М. Хайдеггер специально использовал латинское слово, чтобы показать особость и обособленность Времени в его самобытности. Время пребывает в броске, принадлежит броску: оно метаболично, *μεταβολή*, т.е. занимает «место» превращения, перехода, поворота. Время длится как непрерывность сдвигения. В этой связи если говорить о *природе* инфинитизимала, то он темпорален.

Инфинитизимальное исчисление – это серии актов дифференциации. Мы ставим ударение не на слове «дифференциация», но на «серии актов». То есть дифференциация – это серии актов, по

ходу которых идет сдвигание и, следовательно, происходит смена траектории движения.

В «Волшебной горе» (работа над романом была начата в 1912 г., издан он в 1924 г.) говорится, что время – это то, что «вынашивает перемены» [9, с. 477; Глава шестая, «Перемены»]. Определяя время, Т. Манн употребил слово, производное от глагола *zeitigen*, что значит «дать созреть», «выдержать», «обнаружить», «показать».

Примечательно, что М. Хайдеггер, читая курс «Основные проблемы феноменологии» в 1927 г., чтобы определить время в его самобытности использует то же слово: «*Die ursprüngliche Zeit ist in sich selbst – das ist das Wesen ihrer Zeitigung – außer sich / Исходное время есть в самом себе – и это суть его временения – вне себя*» [10, s. 378 / с. 354].

Нам представляется, что перевод этого слова в русском издании романа глубже. То, что время временит, – это понятно. Как оно «временит»? Оно, во-первых, спует или бродит (*tigern*); во-вторых, держит, выдерживает и дает созреть; в-третьих, обнаруживает.

Важно артикулировать то, что эти акты взаимообусловлены: свершение каждого обусловлено тем, что они хватаются друг за друга. Поэтому мы утверждаем, что время длится, хватая; хватая, длится вязание и связывание. И вот так – как вяжется и связывается – идет сдвигание траектории пути.

Таким образом, сдвигание, «имеющее место» в интервале воздействия, задано хватанием. В этой связи пространственно-временная геометрия пути (его кривизна) мерится последовательностью интервалов, задающих перспективу их следования друг за другом. Потому, хватанием обусловленный ход сдвигания – исключительно перспективное следование (и исследование). Это – пребывание в пути, которое, с одной стороны, расширяет горизонт видения, с другой – позволяет выделить и артикулировать его бесконечно-малые детали, хватающиеся друг за друга и тем самым продолжающие шествие. В самом деле, чем шире горизонт видения, тем зорче взгляд. Очевидно, что перспективизм (инновационный характер следования) является следствием чувства Времени.

Мотивировано ли сдвигание будущим?

Позволю себе длинную цитату из выступления Ю. Владимирова на круглом столе «Проблемы реализма в современной квантовой механике»: «Если у нас имеется два множества, то элемент одного множества характеризуется отношениями к эталонным элементам другого множества. Если мы берем элемент из множества начальных состояний, то он характеризуется отношениями к элементам множества в конечном состоянии. Но последние являются будущим по сравнению с предыдущим. А в предыдущем у нас тоже были какие-то эталонные элементы, относительно которых мы характеризуем этот элемент. Поэтому получается такая ситуация, что каждый элемент в этой системе бинарных отношений характеризуется двумя наборами элементов – из будущего и из прошлого. Предлагается считать, что это как раз и является истоком того, что у нас есть принцип неопределенности. Когда мы берем элемент, мы не знаем, какими характеристиками его описываем – из будущего или из прошлого. И, кроме того, отсюда вытекает следующее. Если мы хотим строить представление о координатном пространстве, мы должны рассматривать параметры из прошлого, потому что все, что мы видим и знаем, мы получаем из прошлого. Оно уже осуществилось. А когда мы говорим об импульсах, то мы должны иметь в виду параметры из будущего. Мы еще не знаем, но только будущее определит, что куда полетит. Как писали Фейнман и Уиллер, ничто не может быть испущено, если нет приемника возможного поглощения» [11, с. 50].

Боюсь, что речь не может идти только либо о прошлом, либо о будущем. В самом деле, определение координат не свободно от ссылки *k*; а таковая ссылка неизбежно толкается *от*. Сдвигание, фактически, зациклено. И любая попытка выйти из круга оборачивается наивностью или предвосхищением, или предрешением исхода. Поэтому не следует спешить бежать из круга (принципы дополненности и неопределенности – все еще бегство), но, дабы избежать наивности и быть настроенным на продолжение хода следования, необходимо озаботиться пребыванием в круге и позаботиться о его сохранении. Собственно, таков аргумент в пользу

артикуляції бінарних відношень: інтервальності, коли ход *от-несение-к* зациклен *несением*. *Здесь* неустойчивість, неопределенність, напруженість являються конститутивною силою. Такова сила – ефект хватання, коли акти отталкивання і отсылання перебираються, подгоняються, вяжуться друг з другом.

Таким образом, мы считаем, что сдвигение мотивируется не столько исходом (в двойном значении слова «исход») сколько ритмом хода. Вот и вторая Книга Моисея повествует не только и не столько о том, откуда и куда идти, сколько о том, как идти: принимая Завет, руководствуясь им.

Ритм является конститутивным: наступает не то же самое и не таким же образом, но согласно ритму, когда «то же самое» и «таким же образом», как два правила наступления, отталкиваясь и отсылая друг к другу, сдвигают траекторию движения. В этом плане «метод ритмокаскадов» В. Буданова представляется чрезвычайно перспективным направлением исследований [12].

Ритм не только утверждает, но и продуцирует: не только формирует, но и трансформирует. Собственно трансформирующая мощь сдвигения заключена в интервале воздействия. Здесь сдвигение не только является аффектом собранности, но и эффективной силой собирания. Я не ссылаюсь на Г. Хакена, но, по-моему, его присутствие в этом тезисе очевидно.

«Лазерный» эффект сдвигения позволяет говорить о нем, как собирающей силе. В этой связи мы бы не спешил принимать наскоро слова Фейнмана и Уиллера, как их передает Ю. Владимиров: «ничто не может быть испущено, если нет приемника возможного поглощения». Конечно, это так. Но этот «приемник» имманентен интервалу воздействия: является продуктом сдвигения.

Сдвигение, как хватающиеся друг за друга серии актов, обладает силой произведения. Оно – ход актуализации *Нечто*, который выводит актуальное *Это*. То есть сдвигение, которое «имеет место» в интервале воздействия, обладает эпистемическим эффектом. Собственно, «знание» еще в санскрите означало ни что иное как несения, по ходу которого идет и происходит произведение наружного лика подвижного (*jānati*, нести, начинать, создавать). В древнегреческом языке этот ход произведения закреплен в слове *πιστ μη*.

В «Меноне» Платон, отличая мнение и даже правильное мнение от знания, говорит, что последнее есть таким, что, подобно Дедаловым статуям, обладает устойчивостью, прочностью связей [13, 97 d – e]. Устойчивость и прочность может быть гарантировано только одним: хватанием и стягиванием схваченного – собиранием. В этой связи мы говорим о знании как произведении конкретного лика подвижного, которое задано хватанием.

(Может быть только *сложности перевода*, не позволяют увидеть родство «создания», «творения», «произрастание», «сгущение», «собирание», «конкретность», которые в древней латини и от нее в некоторых современных европейских языках, имеют один корень – *сгео*. Собственно, произведение, или творческий процесс и его итог, – это сгущение, собирание подвижного, по ходу которого оно предстает конкретным. Этот процесс нашел свое выражение в лапидарной формуле К. Маркса: «Конкретное потому конкретно, что оно есть синтез многих определений, следовательно, единство многообразного. В мышлении оно поэтому выступает как процесс синтеза, как результат, а не как исходный пункт, хотя оно представляет собой действительный исходный пункт и, вследствие этого, также исходный пункт созерцания и представления» [14, с. 727].)

Мы намеренно используем образ ткачества, который был приятен Платону: «Я сказал, что в правильных связях нет ничего невозможного, если только оба рода будут иметь одну заботу – о совершенстве. Это-то и есть целиком и полностью дело царского ткачества: оно ни в коем случае не должны допускать, чтобы рассудительные характеры отдалялись от мужественных, но должны сплетать их вместе единомыслием и почестями, бесчестием и славой, а также взаимной выдачей обязательств и, изготавливая таким образом мягкую и в то же время прочную ткань, всегда предоставлять государственные должности обоим этим родам» [15, 310 e, 3 – 311 a, 3].

Не будем обвинять Платона в хитрой политической технологии. «Политик» стоит не в ряду политических произведений Академика, но рядом с «Теэтетом» и «Софистом», т.е. является

произведением эпистемологическим. Потому «царское ткачество» – это хватка (захват и схватывание), которое ведет вязание и связывание, т.е. соби́рание. Таков ход произведения совершенного.

При этом важно обратить внимание, что вяжется, или собирается, «мягкая и прочная ткань». Собственно, годным для использования является композиция схваченных друг с другом нитей: конкретное полотно. Именно твердость хватки заставляет говорить о знании как институции композиции. В самом деле, знанием является такое определение случившегося, в котором оно (случившееся) представлено как уникальная композиция хватающихся друг за друга и схваченных актов, когда производится и, тем самым, утверждается его (случившегося) неизбежность, неповторимость, конкретность.

Режим соби́рания может быть выражен одним словом – cogitare, соби́рание воедино. Сознание, в этой связи, – функция сдвижения. И то, что потом динамический процесс соби́рания воплощается и предстает в своей актуальной уникальной тверди, или теле, – неизбежно. Также как глаз рождается из воздействия света и сопротивления ему, т.е. по ходу соби́рания: столкновение, схватывания, затвердения. Но также неизбежен и распад тверди. Продолжающийся ход хватания, непрерывность сдвижения не оставляет тверди другого выбора кроме как раствориться, чтобы вновь быть собранной, но уже иначе.

Мы говорим о соби́рании и указываем на его ритмокаскадный характер: захваченность округ лежащим, охватывание его, схватывание в единство. Обобщая, можно выделить экстенсив и интенсив соби́рания или сосредотачивание и сосредоточенность.

Можно также говорить о различной форме организации соби́рания. «Пространственной», т.е. актуализации как сдавливания; и «временной», т.е. как стягивания. Говоря о «пространстве» и «времени», мы имеем в виду принцип организации серий актов: их одновременности и сдавливания, их последовательности и стягивания. Но, так или иначе, речь идет не о детерминации, т.е. ограничении, лишении, отрицании, но о дефиниции, т.е. о соби́рании воедино. Такое воедино собранное энергирует концептом.

Речь шла о сдвижении, которое «имеет место» в интервале воздействия, как динамическом, темпоральном, собирающем процесс, когда неопределенное *Нечто* производится как определенное *Это* и предстает годным для использования. Таков **режим знания**.

Наше определение режима знания сходно с тем, как В. Аршинов определяет сложность: она – «темпоральный эпистемический процесс» [4, с. 164]. В. Аршинов не раскрыл содержание этой емкой и строгой формулы. Конечно, его многочисленные публикации и по синергетике, и по освоению поля сложности, позволяют это сделать. Однако мы не пошли по пути реконструкции.

«Парадигма сложности» новое и перспективное направление онтологии и теории познания. И только время может решить, что уйдет в отвал, как говорят археологи, а что станет годным для использования. В ситуации хождения по неторным тропам любое слово может сгодиться.

Ведь мы не знаем Зевса, и потому приговорены вопрошать:

О ты, земле движенье и престол

Избравший на земле, кто б ни был ты,

Непостижимый Зевс, природы ль сила

Иль разум наш, но я тебя молю:

Пути твои сокрыты, но ведешь ты

Все смертное, о боже, справедливо.

Еврипид, Троянки, 884 – 887.

Мольба Гекубы не только от Зевса, но и ведомо Зевсом. Все от Зевса ведется, поэтому все есть как диалог.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гессе. Г. Письмо по кругу / Гессе Г.; [пер. с нем. В.Д. Седельник] // – М.: Прогресс, 1987. – 400 с.
2. Спиноза Б. Краткий трактат о Боге, человеке и его счастье / Спиноза Б.; [пер. с голлан. под ред. А. И. Рубина] // Спиноза Б. Избранные произведения. – М.: Издательство политической литературы, 1957. – Т. 1. – С. 67 – 172.
3. Платон. Софист / Платон; [пер. с древнегреч. С. А. Ананьина] // Платон. Сочинения в 3-х т. – М.: Мысль, 1970. – Т. 2. – С. 319 – 400.
4. Парадигма сложности в перспективе философской стратегии Жюль Делёза (материалы «круглого стола») // *Философия науки и техники*. – 2016. – Т. 21. – № 2. – С. 149 – 181.
5. Платон. Тимей / Платон; [пер. с древнегреч. С. С. Аверинцева] // Платон. Сочинения в 3-х т. – М.: Мысль, 1971. – Т. 3 (1). – С. 255 – 366.
6. Рассел Б. Философия логического атомизма / Рассел Б.; [пер. с англ. В. А. Суровцева] // Рассел Б. Философия логического атомизма. – Томск: Водолей. – 1999. – С. 3 – 108.
7. Гегель Г. В.Ф. Феноменология духа / Гегель Г. В.Ф., [пер. с нем. Г. Шпета]. – СПб.: Наука, 1992. – 443 с.
8. Бадью А. Апостол Павел. Обоснование универсализма / Бадью А.; [пер. с франц. О. Головой]. – М. – СПб.: Московский философский фонд, Университетская книга, 1999. – 94 с.
9. Манн Т. Волшебная гора / Манн Т.; [пер. с нем. В. Куреллы, В. Станевич]. – СПб.: Азбука-классика, 2005. – 992 с.
10. Heidegger M. Die Grundprobleme der Phanomenologie / Heidegger M. Gesamtausgabe. II. Abteilung: Vorlesungen 1923 – 1944. – Frankfurt-am-Main: Vittorio Klostermann, 1975. – 473 s.; Хайдеггер М. Основы проблемы феноменологии / Хайдеггер М.; [пер. с нем. А. Г. Чернякова]. – СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 2001. – 445 с.
11. Проблема реализма в современной квантовой механике (материалы дискуссии) // *Философия науки и техники*. – 2016. – Т. 21. – № 2. – С. 34 – 64.
12. Буданов В. Г. Метод ритмокаскадов: о фрактальной природе времени эволюционирующих систем [электронный ресурс] / Буданов В. Г. Режим доступа к ресурсу: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0202/007a/02020024.htm>. 13. Буданов В. Г. Синергия гармонии — ключ к эволюции формы и ритма [электронный ресурс] / Буданов В. Г. Режим доступа к ресурсу: <http://www.newepoch.ru/journals/14/budanov.html>
14. Платон. Менон / Платон; [пер. с древнегреч. С. А. Ошерова] // Платон. Сочинения в 3-х т. – М.: Мысль, 1968. – Т. 1. – С. 367 – 412.
15. Маркс К. Введение (Из экономических рукописей 1857 – 1859 годов) // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. – Т. 12. – С. 709 – 738.
16. Платон. Политик / Платон; [пер. с древнегреч. С. Я. Шейман-Топштейн] // Платон. Сочинения в 3-х т. – М.: Мысль, 1972. – С. 10 – 82.